

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПРАВДА О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

П. А. Голуб. *“Правда и ложь о “рассказывании” казаков”*. Москва, 2009, 144 с.

*...И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
“Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами”.*

М. Волошин

Центральный консультативный совет при ЦК КПРФ издал заслуживающую внимания книгу историка П. А. Голуба *“Правда и ложь о “рассказывании” казаков”*. Тема эта сложная и крайне болезненная. 90 лет назад 24 января 1919 года была принята печально известная Директива Оргбюро ЦК РКП(б) по казачьему вопросу. Речь в этой Директиве шла о терроре по отношению к казакам. Историки белого движения обычно связывают выход этой директивы с восстанием казаков Верхнего Дона (так называемое *“Вешенское восстание”*) и, как результат — с новым импульсом гражданской войны на юге России, крайним ожесточением в этой войне, походом белых армий на Москву, страданием и гибелью сотен тысяч людей. Есть правда и в таком толковании событий. Ведь если вдуматься в смысл строчек этого документа (приведённых, кстати, в книге П. Голуба), то становится просто страшно: *“Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно”*. Автор рассматриваемой нами книги, выступая с большевистских позиций, пытается как-то оправдать подобные меры, ссылаясь на *“массовый кровавый террор”*, который осуществлялся на Дону во время правления режимов атаманов Каледина и Краснова. И тщательному рассмотрению автор в своей книге подвергает всю историю правления этих атаманов.

Ценность книги, по моему мнению, как раз и состоит в том, что в ней приведены точные цифры, взятые из указанных автором источников. Эти цифры, может быть, лучше любых рассуждений объясняют причины возникновения гражданского конфликта на Дону в 1917–1918 годах. Вот историк пишет: *“В канун революции население области Войска Донского насчитывало, по современным подсчётам, 4013 тыс. чел. Казачье сословие объединяло свыше 1,5 млн чел., то есть 42,3% всего населения области”*. Вместе с тем Донское войско было самым многочисленным среди всех остальных казачьих войск и в Первую мировую войну выставило на фронт до 100 тыс. бойцов. В то же время (как это

приводит автор) неказачье население области преобладало над казачьим и составляло 2250 тыс. чел. Среди неказачьего населения историк особо выделяет рабочий класс Донской области, "...куда входили рабочие и прочие жители городов, шахтёры и металлурги Восточного Донбасса (около 220 тыс.)". Такое разделение населения области на "привилегированных" её жителей – коренных казаков, составлявших меньшинство, и так называемых "иногородних", составлявших большинство, но бесправное, неизбежно вело в условиях острого социального противостояния, возникшего в России после Октябрьской революции, к конфликту, причём к конфликту вооружённому, ведь казаки были самым вооружённым и обученным военному делу сословием в старой России.

На этом и решил сыграть в своей политике такой достопримечательный деятель времён гражданской войны, как атаман "Всевеликого войска Донского" Пётр Николаевич Краснов. Фигура замечательная! И во многом коренная для понимания сути событий гражданской войны на Дону. Ему (вернее – обстоятельству его правления) посвящён самый большой раздел книги П. Голуба. Однако, чтобы быть объективным, я отвлекусь от содержания этой книги и расскажу немного о биографии вождя донских казаков. Он происходил из старинного казачьего рода. Прапрадед его Иван Кузьмич Краснов из простых казаков дослужился до генеральских чинов и погиб накануне Бородинского сражения под стенами Колоцкого монастыря. Имя его было впоследствии присвоено 15-му Донскому казачьему полку. Его внук, дед атамана Краснова Иван Иванович Краснов, будучи уже в генеральском чине, возглавлял оборону приморского Таганрога во время Крымской войны от напавшей на город английской эскадры. Тогда отличился его сын – Николай Иванович Краснов, командовавший батареей. Казаки его батареи подбили английскую канонерскую лодку, севшую на мель возле Таганрога, а потом они, под предводительством своего командира, в конном строю атаковали вражеское судно и сняли с него 4 орудия. Эх, знал бы Николай Иванович Краснов, что пройдёт время, и его сын – Пётр Николаевич Краснов будет приветствовать английские военные суда на рейде Таганрога...

Пётр Николаевич Краснов, родившийся 22 сентября (по новому стилю) 1869 года, прошёл до революции, как и его предки, в высшей мере достойный путь русского офицера. Он закончил Александровский кадетский корпус, затем 1-е Павловское военное училище, служил в лейб-гвардии Атаманском полку. В 1897 году он отправляется в опасную командировку в Абиссинию (как тогда называли Эфиопию) в качестве командира конвоя, охранявшего русскую дипломатическую миссию. За выполнение важного поручения был удостоен первой награды – ордена Святого Станислава 2-й степени. Тогда же он начал писать крупные литературные произведения, рассказы и повести, показав незаурядный талант. Далее была русско-японская война, где Краснов командует частями забайкальских казаков, сражается под Ляояном и Мукденом, награждается многими боевыми орденами. В 1910 году он уже полковник. На фронтах Первой мировой войны он командует полком, бригадой, наконец, дивизией донских казаков, на поле боя ведёт себя храбро, лихо – удача сопутствует ему даже тогда, когда русские войска отходят под натиском германцев.

Первая неудача случилась у него летом 1916 года, когда его войска не смогли прорвать оборону противника у города Ковель. Краснов безжалостно бросает своих казаков в пешем строю на прорыв австрийских траншей, но не может достичь успеха. Однако в целом успех всей операции (а это был славный "Брусиловский прорыв") как-то смягчил впечатление от этой неудачи.

Неудачам только стоит начаться! А потом всё будет катиться под гору. Осенью 1917 года Краснов командует 3-м Донским корпусом, расквартированным не где-нибудь – под самым Петроградом, возле Гатчины. Именно в расположение этого корпуса бежит из восставшего Петрограда глава Временного правительства А. Ф. Керенский. Именно этот корпус под командованием Краснова первым попытается задушить социалистическую революцию и первым же потерпит сокрушительное поражение. На Пулковских высотах боевому корпусу противостояли разрозненные, во многом ещё анархические отряды матросов и красногвардейцев, но... казаки дрогнули. Прославленный боевой генерал Краснов, люто ненавидящий большевиков, вынужден был смириться, вступить в переговоры с нами, а после уехать на Дон.

На Дону он одно время жил как частное лицо, скрываясь под немецкой фамилией своей жены. Отбушевала в донских краях калединщина, когда по

приказу атамана Каледина массами расстреливались рабочие Донбасса и Таганрога (П. Голуб приводит такие цифры: “За короткое время палачи из отрядов Чернецова, Лазарева и прочих карателей на Ясиновском руднике убили 117 рабочих... около 90 рабочих было убито в Таганроге”). Каледин долго не продержался. Его основная надежда была на возвращавшихся с фронта казаков, а как раз эти-то казаки и не хотели воевать, они находились в большой степени под влиянием большевистской пропаганды.

10–11 января 1918 года в станице Каменской состоялся казачий съезд, на котором был избран казачий Военно-революционный комитет (ВРК) во главе с Подтёлковым и Кривошлыковым. Съезд объявил безжалостную войну с калединщиной. Отряды красных казаков двинулись на Новочеркасск. “29 января атаман Каледин собрал своё правительство и признал: “Положение наше безнадежное. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно” — эту цитату из “Очерков русской смуты” А. И. Деникина приводит в своей книге П. Голуб.

Да, советская власть на Дону в то время победила. Атаман Каледин застрелился, остатки белогвардейских и белоказачьих отрядов ушли в задонские степи. Как же случилось, что спустя всего лишь два месяца Донская советская республика, провозглашённая 23 марта 1918 года, рухнула, и власть снова взяла старорежимные генералы и атаманы, на первое место среди которых выдвинулся Пётр Николаевич Краснов? Наш автор, придерживающийся строго большевистских позиций, объясняет это однозначно — наступлением германских войск, начавшимся после подписания 3 марта 1918 года знаменитого Брестского мира. Брестский мир не устанавливал границ между Германией и Советской Россией на юге, со стороны Украины, где власть в это время взяла Центральная Рада. Пользуясь этим, германцы оккупировали всю территорию Украины и вышли непосредственно к донским рубежам. 8 мая германские войска вошли в Ростов-на-Дону. Были оккупированы Таганрог, Миллерово, Чертково. Немцы стояли уже около Новочеркасска, но столицу Дона заняли вернувшиеся из задонских степей белоказачьи отряды. Сам Краснов признавал, что “без немцев Дону не освободиться от большевиков” (Архив русской революции. М., 1991, т. 5, с. 206).

Но спросим автора, а почему казаки, ещё недавно так активно выступавшие за Советы, свергнувшие власть Каледина, вдруг стали массово восставать против Советов и переходить на сторону Краснова, который на казачьем Круге (так называемый “Круг спасения Дона”) 11 мая в Новочеркасске был избран войсковым атаманом? Автор книги, которую мы здесь рассматриваем, объясняет этот парадокс только одной причиной — помощью германских войск и прогерманской позицией самого Краснова. Слов нет, с этих пор и до конца своей деятельности Краснов был тесно связан с Германией, в чём его позиция расходилась с позицией командующего белогвардейской Добровольческой армией генерала Деникина, который оставался верен “союзникам”, то есть французам и англичанам. П. Голуб также указывает на особо контрреволюционные настроения, царившие среди казачьего населения нижнедонских станиц, населения, которое остальные, более бедные казаки, называли презрительным именем “черкассня”. Но черкассня-черкассней, а в армии Краснова вскоре уже было 60 тысяч человек, и они овладели всей территорией Донской области. Недавно ещё популярные вожди “красных казаков” Подтёлков и Кривошлыков окончили свой жизненный путь в петле. Обстоятельства их казни в окружении больших масс казаков ярко представлены на страницах романа М. А. Шолохова “Тихий Дон”.

Может быть, это объясняется явно враждебным отношением некоторых представителей советской власти к казакам вообще, как к военному привилегированному сословию бывшей Российской империи? Сословию, которое царскими властями активно использовалось для подавления революционного и, в первую очередь, рабочего движения. Не отсюда ли идёт пресловутая идея “расказачивания” казаков, идея, владевшая многими горячими большевистскими головами? Как пример одного из таких деятелей приведём личность известного большевика Сергея Ивановича Сырцова, который в 1917 году занимал нешуточную должность председателя Донского областного ВРК по борьбе с белоказаками. Был он также заместителем председателя СНК Донской советской республики и членом Донского бюро ЦК РКП(б). Именно он внёс предложение на Оргбюро ЦК РКП(б) о терроре по отношению к “контр-

революционному казачеству”. Вот цитата: “Тов. Сырцов предлагает по отношению к южному контрреволюционному казачеству проводить террор; заселять казачьи хутора выходцами из Центральной России. (...) Предложение т. Сырцова и резолюция Дон-Бюро об отношении к казакам приняты”. И ещё одна интересная цитата из этого документа: “Политическая платформа восставших: “Не против Советской власти, а против комиссаров-коммунистов...” (цит. по книге “История России 1917–1940”. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993). Видимо, “достали” казачков эти “комиссары-коммунисты”!

Справедливости ради надо сказать, что политика “расказачивания” проводилась ведь и самим режимом атамана Краснова против неугодных ему казаков, поддерживавших советскую власть. Против таких “красных казаков”, которых, отметим, всё-таки было меньшинство (по данным книги П. Голуба – 18–20%), применялись жестокие меры. Тот же “Круг спасения Дона” постановил: “Всех казаков, участвующих в советских войсках и большевистских организациях, исключить из казачьего сословия по приговорам подлежащих станичных обществ” (Донская летопись, 1924, № 3, с. 57 – как указано у П. Голуба). Исключение из сословия влекло за собой лишение земли и даже высылку за пределы области. И таких приговоров было 1400 (только известных).

А чем же закончились карьеры этих знаменитых антагонистов – атамана Краснова и комиссара Сырцова? – Это примечательная и поучительная история: Краснов, как известно, потерял в начале 1919 года пост атамана, отправился за границу, жил в Германии, сотрудничал с фашистами и был казнён по приговору советского трибунала в 1947 году. Комиссар Сырцов сделал советскую карьеру, дослужился до поста 3-го Председателя Совета народных комиссаров РСФСР, но выступил против Сталина и был расстрелян в сентябре 1937 года.

Вообще после прочтения книги П. А. Голуба складывается ясное и определённое понимание страшного раскола, царившего как в среде казачества, так и вообще в России в ту эпоху. Брат восстал на брата, сын на отца, отец на сына. “Красный террор”, “белый террор” – были очевидным следствием этого раскола. Историки, видимо, ещё очень долго будут спорить, кто более виноват в развязывании гражданской войны в России – красные комиссары или белые генералы. Историк П. А. Голуб ясно и, я бы даже сказал – яростно обвиняет в этом белых генералов, оправдывая политику коммунистов. Однако он не проходит мимо злополучной Директивы Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года и осуждает явно людоедские инвективы этой Директивы, указывая, что “...январская Директива составлена в жёстких и даже жестоких выражениях, но не более жестоких, чем приказы Краснова и указы Большого войскового круга”.

Директива эта явно наносила удар и по тем казакам, что потенциально могли бы сотрудничать с советской властью: “...провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти”.

Любой власти не следует играть такими словами, как “беспощадный массовый террор”, “поголовно истребить...” Что значит “поголовно истребить”? – Это значит уничтожить не только мужчин, но женщин, и детей, и стариков. Это означает политику выжженной земли, это ямы и рвы, наполненные трупами, это сгоревшие дома и хаты. Это запустение и одичание России. И эта политика проводилась и красными и белыми – и теми и другими в страшные годы гражданской бойни.

Вытоптана была наша Россия в годы лихолетья и засеяна семенами ненависти и вражды. Семена эти прорастают и до сих пор. Узнать всю правду о гражданской войне, не пренебрегая правдой как красных, так и белых, оценить эту правду и сделать единственно правильный вывод – вот задача каждого русского человека, не желающего повторения братоубийственной гражданской войны.

Станислав Зотов